

На соискание
Государственной премии
СССР 1987 года

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

СУББОТА, 4 ИЮЛЯ,
1 ПРОГРАММА, 22.30;
РО-4 — 20.30; РО-3 — 19.30;
РО-2 — 16.30; РО-1 — 10.30

Иные восходят из-за горизонта былого непризнания хрупкой полоской света. А потом уж всезримо идут светилем по небосводу.

Высоцкого всегда было как-то много. Правда, не всегда такого, какого мы знаем теперь. Или еще узнаем. Появился он враз и громко. И сразу внедрил в массовое сознание этаким корневищем. И теперь вот крона его крепкого дара шумит над нашими головами и самыми разными нашими вкусами, которые, хотят того или нет, принима-

ют Высоцкого, как говорится, всецелого и неделимого — как драматического актера, как артиста кино и как барда. Ибо такова особенность личности в творчестве: ядро одно, остального сколько угодно.

На сцену Театра на Таганке он выходил, чтобы играть кого-то. Но играл себя. Не ради самообольщения или тем паче самодовольства. Больше

всего, кажется, не любил он зеркала. По крайней мере дико представить себе Высоцкого, задержавшегося на собственном отражении. Он был силен, непостижим нутром. А оно было глубиной с пропасть. Он как бы все время с бесстрашным любопытством заглядывал туда. Не отсюда ли трагическая нота многих его ролей, аккомпанирующая мужественному азарту самоожжения.

Но и на сцене, и даже в строгом облике классики, из него прошибал бард. По подмосткам гремела его гитара, и его гром-голос, бросающий в зал напредельный по страсти монолог, вдруг переодил на песню. А когда он песню брал на горло... Тут этого только и ждали.

Да и в кино он пел. Пел в кадре и за кадром. Широко, публично и, так сказать, «официально» признали его, кажется, с «Вертикали». Этот «высокогорный букет» Высоцкого удивил и запомнился сплавом мужества и лирики. Лирика была без бантиков и

ромашек, без вздохов, лунных дорожек и прочей псевдолирической чепухи. От «Вертикали» переправа к столь же удивительным военным песням Высоцкого, которые оценили и ценят по сей день фронтовики: «Дескать, не может человек, не побывавший на фронте, писать так». А он по молодости лет не мог быть там, хотя все его ближайшие родичи по мужской линии прошли военные версты. Но писал он именно так, как если бы был, и видел, и пережил сам.

Теперь не сборники его стихов раскроют нам его настоящего — созвездие его песен. Стих Высоцкого, конечно, высокой пробы, плод вдохновения, помноженного на ремесло. И все-таки это как бы оболочка. Голосовой мощи тут не слышать, наждачной шершавости, ошеломляющих то крика, то шепота.

Еще одарили его юмором — сугубо русским, из самых народных кладовых и нацио-

нальных привычек, из не только острого, но и доброго взгляда на вещи, которые он, как мало кто из современников, умел называть своими именами.

Понимающих Высоцкого много, потому что он был близким человеком для многих. Потому что он умел прямо увидеть и откровенно и колоритно об этом сказать. Потому что он знал, чувствовал людей, мучительно и восторженно врвался в их души. Потому что жалеют себя и носятся с собой только посредственности. А он, восходя к людям и отряхиваясь от издержек знаменитости и расхожих легенд, оставался самим собой. И даже тогда, когда просто быть самим собой было поступком.

В передаче звучат песни Владимира Высоцкого из фильмов с его участием, выдвинутые на соискание Государственной премии СССР 1987 года.

В. ГУСАРОВ